

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Анна Маркина
**Пескарику
с любовью
из Тьмы Тараканьей**

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Анна Маркина

**Пескарику с любовью
из Тьмы Тараканьей**

Издательство «Детская литература»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Маркина А.

Пескарику с любовью из Тьмы Тараканьей / А. Маркина —
Издательство «Детская литература», 2026 — (Лауреаты
Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-007516-2

Переезд из большого города не сулит двенадцатилетнему Фиме ничего интересного: перебраться пришлось в какую-то Тьму Тараканью, телефона его лишили за прошлые «подвиги», да еще и папа с мамой в ссоре, и никакие попытки их помирить не помогают. Но после знакомства с местной девчонкой Пескариком ему предстоит решить массу неожиданных задач: наладить лимонадное производство, благоустроить детскую площадку у дома, организовать для родителей романтический ужин при свечах, спасти заброшенную усадьбу и даже защитить отца от мусорной мафии! Повесть стала лауреатом 3-й премии IX Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-007516-2

© Маркина А., 2026
© Издательство «Детская
литература», 2026

Содержание

О конкурсе	9
Пескарику с любовью из Тьмы Тараканьей	11
«Там нельзя парковаться»	12
Первооткрыватели	17
Подсечно-огневое земледелие	20
Рэкет над рекой	28
Наследственность	35
Ф. И. Пакетов	39
Бабушка Жека	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анна Маркина

Пескарику с любовью из Тьмы Тараканьей

Серия «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова»

РОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

СОВЕТ ПО ДЕТСКОЙ КНИГЕ РОССИИ

Иллюстрации
О. Ким-Борзенко

© Маркина А. И., 2026
© Ким-Борзенко О. А., иллюстрации, 2026
© Рыбаков А., оформление серии, 2011
© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2026

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2026 году подведены итоги уже десятого Конкурса.

За эти годы на Конкурс поступило более 4000 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. Лауреатами стали 136 участников, издано более 85 книг с их работами.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и молодежное, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей, первая любовь и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, педагоги, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги года» (2014) в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию. В 2023 году серия книг вошла в пятерку номинантов новой «Национальной премии в области детской и подростковой литературы» в номинации «Лучший издательский проект».

Пескарику с любовью из Тьмы Тараканьей

«Там нельзя парковаться»

Мы остановились под липой.

Здесь была тень, похожая на серое привидение.

– Приехали, – объявил папа и выключил зажигание.

– Ну и Тьма Тараканья! – фыркнула мама, выбираясь из машины.

Она громко хлопнула дверь, словно в самом деле увидела тьму тараканов и попыталась прибить их всех разом.

– Можно не портить мне машину? – рассердился папа.

– А можно не портить мне жизнь? – рассердилась мама.

Думаю, она считала вопрос риторическим.

– Ладно бы себе! Но ребенку! – Она вознесла руки к небу, как языческий жрец.

Мама была «женщина со спецэффектами», как любил повторять папа.

– Воспитал террориста! – никак не могла она успокоиться.

Папа, выгружавший чемоданы и коробки, даже стукнулся головой о крышку багажника.

– Это я его так воспитал?! Да он весь в тебя!

Поскольку спектакль про мои террористические наклонности я видел уже много раз, я просто пинал камешек у бордюра.

Тут папа взял меня за локоть, подвел к маме и поставил рядом с ней.

– Полюбуйтесь! – сказал он, хотя вокруг не было ни души. – Копия.

Папа не погрешил против истины: у меня были мамины черные волосы и почти черные глаза. И похожий нос, и рот, и овал лица. От папы я унаследовал близорукость и длинные конечности. Не зря мама была дизайнером по образованию – все красивое досталось мне от нее.

Папа отвернулся и погрузил руки в пасть багажника.

Я, чтобы отвлечься, стал разглядывать местность. Мы стояли у серой обшарпанной двухэтажки. У ее подъездов пузырилась сирень. От детской площадки напротив дома остались только карусель без сидений и горка, у которой скат не дотягивался до земли. Вместо детей играли на ветру борщевик и колючки. От двухэтажки вниз уходила широкая дорога с высокими соснами и частными домами по бокам. Многие дома выглядели заброшенными. От дороги ответвлялся проезд к гаражам. Слева от двора ютился небольшой домик с вывеской «Магазин».

Я хотел спросить, есть ли рядом книжный. Или хотя бы аптека. Но тут из сирени высунулась неотесанная голова. Она была под стать местной детской площадке: на ней тоже не было никакого порядка и все сильно заросло.

– Там нельзя парковаться, – сказала голова и спряталась обратно.

– Почему? – автоматически спросил папа в направлении кустов.

– Занято! – послышалось из листвы.

Мы втроем еще раз осмотрелись. Во дворе не было ни одной машины. Только по дорожкам шатался мелкий мусор и сонно шевелилась сиреневая листва у подъезда.

Папа пожал плечами и залез обратно в машину. Он выехал из-под липы и встал под березу по соседству. Там тоже была тень, но куца. Папа не любил, когда его желтый «Мини Купер» нагревался, как мышь на сковородке. Почему машину он сравнивал с мышью, я не знаю. Может, мыши и шины шуршали похоже.

И только он хлопнул дверью и пикнул сигнализацией, как голова опять высунулась и неприветливо буркнула:

– Это место Катьки.

– Какой еще Катьки? – раздраженно крикнул папа.

– Рыжовой, – ответили из кустов.

Мы с мамой всё это время стояли под липой на теневом привидении и сторожили вещи. Но когда голова спряталась во второй раз, подошли ближе к подъезду. Там в густых ветвях сирени на потрепанной лавочке грелся хозяин головы. Тоже потрепанный и с запашком.

Папа задумался. Но в конце концов опять запрыгнул в машину и завел двигатель.

Мы тем временем присмотрелись. Оказалось, запах шел не только от человека, но и от трехлитровой банки, которая тоже грелась на лавочке.

– Что это? – спросил я.

– Яблочный сидр, – отрекомендовал человек содержимое банки.

Мама с видом посетителя Кунсткамеры осмотрела внутренность банки, а потом понюхала горлышко и сморщилась.

– Какой же это сидр?! – возмутилась она. – Это у вас яблочные дольки в спирту плавают.

– Это сидр по-санаторски, – гордо ответил неотесанный.

– Почему – по-санаторски? – Я тоже понюхал банку и скривился.

– Потому, что даже мертвого поднимет, – засмеялся производитель поддельного сидра, и его спутанная борода и колтунные волосы заходили ходуном вокруг лица. – Шучу. Мы с вами сейчас где?

– Где? – сразу сдался я.

– В какой-то Тьме Тараканьей, – продолжила гнуть свою линию мама.

– В поселке при санатории. Поэтому и сидр – по-санаторски.

– А где тут санаторий? – поинтересовалась мама.

– Закрылся, – вздохнул наш новый знакомый.

Тут под сирень стремительно вшагнул папа.

– Так нормально? – Он показал на «Мини Купер», пристроенный у тоненького деревца.

Тень уже не накрывала машину, а шла тонкой тесемкой поперек кузова.

- Это место Норы Фомишны и Лизаветы, – отрицательно покачалась бородатая голова.
- Да вы издеваетесь! – воскликнул папа.

Он схватил два чемодана и потащил их в подъезд. Мы с мамой тоже взяли вещи. Мама – какую-то коробку, размером с котенка, а я покатила ее лиловый чемодан – с косметикой и платьями.

Когда мы проходили мимо неотесанного, мама задержалась у лавочки.

– А вы почему без головного убора? Вас так солнечный удар хватит.

– Не хватит. – Смотритель парковки мотнул бородой, словно поставил точку в разговоре.

Тогда мама порылась в лиловом чемодане и извлекла из него соломенную шляпу с большим розовым бантом в форме цветка.

– Вот. – Мама хотела надеть шляпу сразу на всклокоченную голову, но голова посмотрела на нее недоверчиво. Тогда мама нацепила шляпу на банку с сидром. – Вы бант отрежьте. И носите! – посоветовала мама. – А мне скоро еще привезут, – добавила она, как будто голова беспокоилась не о сидре, а о маминых нарядах.

Потом мама со своей коробочкой процокала каблуками на второй этаж. А я простучал за ней колесиками чемодана.

Дверь в нашу новую жизнь папа уже открыл.

Мы заглянули внутрь.

– Ой! – пискнула мама.

Квартира выглядела так, будто в ней последние пятнадцать лет жили только мыши и пыль. Пыль гнездилась в настенных и напольных коврах, на крохотной кухне, в которой мы вдвоем едва могли поместиться, на креслах и кроватях с широкими мягкими спинками. А каждому креслу по виду лет было больше, чем нам троим вместе взятым.

– Как вы думаете, – спросил я, – если сложить возраст всех этих предметов, наберется на тысячелетие?

– Тут не тысячелетие, – мама поскребла ноготком допотопный холодильник, чтобы проверить, сколько на нем грязи, – тут еще даже Рюрик не ночевал.

– А плитку шумеры изготовили, – пошутил папа.

Я хотел тоже пошутить про потертый диван в золотых вензелях, но не смог вспомнить, кто был раньше шумеров, кроме динозавров. Поэтому просто проверил, работают ли краны на кухне и в ванной, – воды в них не было.

– Мы умрем от жажды, – сказал я, плюхнувшись на диван в вензелях.

– Нас ночью загрызут мыши, – добавила мама, падая рядом.

– Ничего, – папа попытался подбавить бодрости, устраиваясь на оставшемся диванном краешке, – воду починим, ковры выбьем, мышеловки расставим – и заживем!

Зажужжал дверной звонок, по звуку похожий на полет осы.

– А вот и первые гости! – обрадовался папа.

На пороге стояла широкая пыльная бабулька, напоминавшая одновременно всю нашу новую старую мебель вместе взятую.

– Это ваша, что ли, желтая колымага? – прогундосила она, не здороваясь.

– Ничего не колымага, – обиделся папа.

– Это место моей дочери. У нас тут на чужие места роток не разевают!

Я подумал, что бабульку, возможно, тоже еще шумеры изготовили. Такая она была пыльная, с налетом времени.

– Мы не знали, – стал оправдываться папа.

– Понаедут на своих колымагах... – угрожающе пробубнила она.

– Да я сейчас переставлю. – Папа уже засовывал ногу в ботинок. – Главное, чтоб всем было удобно. Мы порядок нарушать не будем. Будем жить по-добрососедски. Вас как зовут?

– Нора Фомишна, – сказала бабулька с видом криминального авторитета, который, если что, может и голову коня в кровать подбросить. – А дочку мою – Лизавета. Она в городе работает, вечером вернется. На машине!

– Сейчас все сделаем, – еще раз успокоил посетительницу папа. – А возле березы место Катки Рыжовой, правильно?

– Матушка, упаси! Какой Катки?

– Рыжовой.

– Так она ж померла давно, – охнула пыльная бабулька.

– А нам человек с сидром сказал, что это ее место, – встряла мама.

– Антоныч, что ли? Да у него от сидра все мозги проспиртовались! Запутывает только, – прогундосила Нора Фомишна.

– Вот мерзавец! – воскликнул папа и пошел переставлять машину.

Мы стали смотреть в немытое окно, как папа на «Мини Купере» переехал снова под липу.

Он вернулся довольный и залез под раковину налаживать воду. Там он сопел и гремел инструментами несколько часов, так что мы с мамой уже успели смириться с мыслью, что умрем от жажды. А даже если и нет, то нас ночью загрызут мыши.

И тут опять зажужжал звонок.

– Снова гости... – объявил папа, на этот раз уже без радости.

На пороге стоял человек-гора.

Он поднял шерстистую бровь с проседью, похожую на заснеженную связку валежника, и спросил:

– Это ваш, что ли, драндулет на моем месте?

Тут папа не выдержал, и из него испарилось все добрососедство:

– Вы все что, сговорились? Издеваетесь, да? Думаете, раз мы не местные, так можно с нами вот так?! Мхи подколенные!

– Мы мхи подколенные? – Наш гость поднял свой валежник еще выше и сжал кулаки.

Папа был человеком, который никогда не отступает.

– Вы, – почти беззвучно подтвердил он.

Тогда Гора, хорошенько прицелившись, двинул кулаком папе в подбородок. Папа аж отлетел немного и медленно съехал по стене спиной, как подстреленный грабитель банка.

Я все это время околачивался в коридоре, а мама только появилась из комнаты.

– Ой, – растерялась она, глядя то на человека-гору, то на потерпевшего поражение в битве за парковку папу.

Папа попытался подвигать челюстью, а затем встать, но не сумел.

– Воды! – протянул он, словно смертельно раненный.

– Папа, – сказал я сочувственно, присев на корточки рядом, – у нас нет воды!

– Надо приложить что-то холодное, – произнесла мама.

– Льда-а-а! – протянул папа.

– Холодильник только включили, лед еще не наморозился!

– Мясa! – из последних сил взвыл папа.

– И еды у нас нет! – вздохнул я.

– Вы не знаете, как включить воду? – обратилась мама к Горе, который наблюдал из-за порога и сжимал-разжимал пальцы смертоносного кулака.

Гора расплылся в улыбке.

– Как не знать, – ответил он маме, направляясь на кухню.

– Не трожьте! Я сам почию! – заорал папа, как будто его ударили второй раз.

Гора пропустил папу мимо ушей, залез под раковину и забурчал оттуда:

– Понаедут на своих драндулетах, даже воду открыть не могут...

Уже через минуту он выполз на свет и повернул вентиль. Кран икнул, и из него наконец побежала вода.

– Ой, спасибо! – обрадовалась мама. – А вас как зовут?

– Ну, – опять заулыбался человек-гора, у которого от маминой красоты даже снежная седина на валежниках начала подтаивать, – Пётр Михалыч я. Председатель местного жилищного товарищества и гаражного кооператива.

– А мы Пакетовы, – сказала мама. – Я Анна. Это Фима, – показала она на меня (я в это время наливал папе холодной воды в облупленную кастрюлю с пыльной полки). – А это мой муж, Иван, – махнула она в сторону подбитого папы.

– Очень приятно, – сказал Пётр Михалыч.

– А нам нет! – простонал папа.

Но Пётр Михалыч продолжал не обращать на папу внимания. Он пожал мамину руку.

– Вы, если что, обращайтесь. Только на моем месте парковаться нельзя, – добавил он с угрозой, глянув на папино полулежачее тело.

– Где же мне парковаться? – взревел папа.

– Да где хотите. У нас на весь дом – всего-то две машины. У Лизаветы и у меня. Вон хоть у березы паркуйтесь. Хорошее место. Раньше Катька Рыжова там машину ставила. Но... – он растерянно почесал затылок, – у Рыжовых больше нет машины.

Первооткрыватели

В новой квартире было две комнаты. Большую гостиную сразу захватила мама. Она повсюду разложила свои разноцветные платья: на креслах, на диване и даже на полу. И всем стало понятно, что теперь это мамина комната и туда лучше без спроса не соваться.

Тогда я тоже решил застолбить территорию, как американский первооткрыватель. Я как-то смотрел фильм, где этим самым первооткрывателям давали землю и мула, если те выигрывали гонку. Надо было только первым доскакать на лошади до хорошего земельного участка и воткнуть там свой флаг. И я, по примеру мамы, разложил свою одежду во второй комнате. Все уместилось на кровати. У меня с собой было только три футболки, одни штаны и куртка. Я порылся в рюкзаке и извлек из него еще пять зажигалок, походную флягу с водой, зарядку от телефона (сам телефон у меня отобрали), молоток, гвозди, отвертку, набор шестигранников, спички, складной нож, консервную открывашку, два фонарика, две шоколадки, чипсы, запасные очки в футляре, блокнот и три ручки, банку витамина А для улучшения зрения, щетку и зубную пасту, хлоргексидин, вату, бинт и пластырь.

Из этого набора я выбрал футболку с надписью «Осторожно, злая собака!» и двумя гвоздями прибил ее вместо флага на дверь, пока папа ходил в магазин за продуктами. Мама, конечно, услышала, но у нее к вечеру не было сил ругаться.

Она так и сказала:

– Фима, у меня нет сил ругаться. Но ты варвар!

Когда папа вернулся из магазина, было очевидно, что он остался без жилплощади. Он болтался по квартире с куском замороженного мяса у подбородка (чтобы не образовался синяк) и не знал, куда деться. Потому что дома у него была своя комната с компьютером, кожаным диваном, проводным телефоном, шеренгой книжных шкафов и звукоизоляцией. Мама часто в последнее время кричала, что папа испортил ей жизнь. Поэтому он спал на кожаном диване, так что ему не было слышно ни криков, ни мамы, ни меня, ничего, кроме сообщений и звонков по работе. А звонков и сообщений у папы было хоть отбавляй – он был журналистом. До того, как он уволился и нам пришлось срочно уехать и сдать свою квартиру с четырьмя комнатами, просторной кухней и большим городом за высокими окнами.

А наша новая квартира досталась папе от его сестры, которая много лет назад переехала в Китай. Она вышла замуж за «предприимчивого китайца», как его все называли у нас в семье, потому что путались в его имени (то ли Фу, то ли Му, то ли Чан). Муж тети, торговавший китайскими подделками дорогой одежды, не вызывал у нас интереса. Папа говорил, что в нашей семье столько интересного, что то ли Фу, то ли Му, то ли Чана с его подделками уже некуда складывать.

В общем, папа побродил по тетиной квартире и стал жарить мясо с картошкой. На кухне не было ни стола, ни стульев. Поэтому мы взяли по тарелке и молча, сидя на диване в вензелях, обложенные мамиными платьями, все съели.

Отдав папе пустую тарелку, мама зевнула.

– Я – спать.

– А мне куда? – нерешительно спросил папа.

Мама поглядела на папу так, словно он был тоже первооткрывателем и захотел отобрать у нее не только землю, но и мула. Могло показаться, что сейчас она достанет из-под дивана ружье.

Папа предпочел поскорее отступить, захватив с собой грязные тарелки. Потому что в руках мамы даже посуда становилась опасным оружием, которое она умела метать, как олимпиец. А папа не хотел оставлять ей боевые припасы. Он был научен горьким опытом.

Папа возился у раковины не меньше часа. Я за это время нашел в шкафу книжку про космос и растянулся с ней на кровати. Но я никак не мог сосредоточиться, пока папа был не пристроен. Я не знал, *что* нужно сделать, чтобы ему помочь. Не вдвоем же нам мыть три тарелки! И поэтому я разглядывал красивую люстру на потолке. Люстра была круглая, с характером, похожая на щит древнегреческого воина.

Тут папа зашел в комнату. У него в руках было постельное белье и одеяла.

Он сказал:

– Я принес постельное белье и одеяла.

Я вздохнул и стал помогать папе заправлять постель и засовывать одеяла в пододеяльники.

– Мы можем спать валетом, – вздохнул я еще раз, – так спали первооткрыватели и китайцы в походах.

– Китайцы спали на земле. – Папа распрямил уголки наволочек. – Ты кем хочешь быть, первооткрывателем или китайцем?

– Первооткрывателем, конечно! – ответил я.

– Тогда я буду китайцем, – постановил папа.

Он разложил на полу у кровати второе одеяло и лег на него.

– Красивая у нас люстра! – добавил он. – Как го^плбн!

– Что такое «гоплон»?

Папа пояснил:

– Это такой круглый щит древнегреческого воина.

– Вот и я так думаю! – согласился я.

Мы немного полежали молча.

И я спросил:

– Пап, вы разведетесь?

Папа аж подскочил на своей лежанке, и его серьезное лицо оказалось на уровне моего. Оно было уже отекавшее и немного желтое. С таким лицом он действительно стал похож на китайца.

– Ни за что! – твердо сказал папа, посмотрев мне в глаза.

– По-моему, мама хочет развестись... – поделился я своими сомнениями.

– Она просто еще не знает, чего хочет. Спи, – ответил папа и выключил свет.

Мы еще немного полежали в тишине.

– Па-а-ап, – сказал я опять, – у тебя лицо становится похоже на большую картошку.

– Правда?

– Ага.

– Прискорбно, – вздохнул папа и пощупал место удара.

– Хочешь, я принесу тебе кусок мяса из холодильника? – предложил я.

– Принеси, – величественно, как древнекитайский император, который разговаривал с придворным лекарем, согласился папа.

Когда я вернулся с говяжьим огузком, папа уже спал. Я положил мясо ему на подбородок, залез обратно в кровать и тоже заснул.

Подсечно-огневое земледелие

Утром папа приготовил яичницу, и мы ее молча съели на диване в вензелях. Потом мама стала развешивать в гостиной черные шторы – у нее от яркого света болела голова. А папа уткнулся в ноутбук и объявил, что ищет работу.

– Замечательно! – воскликнула мама. – Кем будешь устраиваться?

– Найду что-нибудь, – буркнул папа.

– А там тело с пулей в голове, случайно, не ищут? – скептически поинтересовалась мама. – Тебе бы подошло.

Папа сосредоточенно клацал мышкой.

– Не забудь добавить в резюме, что у тебя есть жена и сын. Это еще два трупа в случае чего.

– Знаешь что! – начал угрожать папа (и у него даже заплывший уголок рта задержался). – Вот пойду дворником работать... Чтоб тебе спокойно было!

– То, что твое призвание – копаться в мусоре, это мы и так знаем, – парировала мама. – Еще можешь сидр варить. Здесь вон целое подпольное производство. Как раз сойдешь за своего, – добавила она, намекая на папин опухший вид и картофельное лицо.

Они мне ужасно надоели со своими ссорами. Поэтому я собрал рюкзак и объявил, что иду гулять.

– Телефон отдайте, – потребовал я.

– Ага, – согласилась мама.

Я не смог разобраться, была ли это ирония или я все-таки получу телефон. Я обулся и на всякий случай подождал две минуты. Оказалось, это была ирония.

– А если я потеряюсь? – спросил я.

– Ориентируйся по звездам! – крикнула мама из своей комнаты, стоя на подоконнике и пытаясь попасть петельками шторы в крючки на карнизе.

– А ничего, что сейчас день?! – вышел я из себя.

– Ориентируйся по мху! – крикнул папа из нашей комнаты, стуча по клавишам клавиатуры.

Я на них окончательно обиделся и уже собрался насмерть потеряться в ближайшем лесу. Но тут папа материализовался в прихожей и придержал меня за капюшон.

– На! – И он протянул мне кнопочное устройство из прошлого тысячелетия, с маленьким черно-белым экраном.

Этот телефон по дизайну напоминал папин шариковый дезодорант, которым папа все равно не пользовался. Только неизменно возил его с собой и ставил на полочку в ванной. Я предполагал, что, возможно, папа пел в него в душе, как в микрофон.

– Ты серьезно? – возмутился я, нажимая на кнопки меню.

Конечно, там не было ни нормальных игр, ни Интернета.

А в записной книжке – всего два контакта: «Мама» и «Папа».

– Не забредай далеко, – посоветовал папа.

– Уйду и потеряюсь насмерть! – Я до того разозлился, что хлопнул дверью и решил никогда не возвращаться.

На улице было пусто и тепло. Но с бывшей детской площадки слышалось какое-то приглушенное лязганье. Я присмотрелся и заметил два светлых хвостика, которые плескались в воздухе над зарослями, как два пескарика.

Я подошел поближе и увидел в высокой траве девочку с лопатой.

– Эй, – обратился я к ней, – ты чего тут?

Девчонка ответила:

– Копаю.

Она была голубоглазая, растрепанная и одета как пацан, а не девчонка. Если бы не хвостики, я бы перепутал.

– Да ну! – сыронизировал я.

Как будто ее копание было не очевидно!

– Ну да, – сказала она серьезно. – Хочешь тоже покопать?

– А забор тебе не покрасить? – поддразнил ее я, вспоминая Тома Сойера, который всем предлагал красить забор.

– Здесь нет забора... – Она пожала маленькими плечами, продолжая свое копание.

Не поняла моей иронии. Что взять с девчонки из Тьмы Тараканьей?

– Ладно, – сказал я, как джентльмен, и отобрал у нее лопату. – Что мы копаем-то?

– Борщевик, – пояснила она. – Я благ-устраиваю территорию.

– «Благ-устраиваешь»? – захохотал я.

– А что? – прошипела она и схватилась за черенок лопаты, будто теперь она хотела прикопать меня.

Ох уж эти женщины! Чуть что – сразу хвататься за колюще-режущие предметы.

– Да не получится. Ты так три года будешь копать. К тому же борщевики ужасно ядовитые и растут как не в себя. Сегодня один срубишь, завтра три вырастут...

– Что тогда делать?

– Ну... – Тут уже я пожал плечами. – Можно поджечь. Был такой древний способ земледелия – подсечно-огневой.

– Это как? – Она провела по лбу грязной рукой, чтобы убрать капельки пота, и стала как боевой индеец, с полосами на лице.

– Это когда дикие растения сжигали, а потом на месте пожара сажали сельскохозяйственные культуры. Зола удобряла почву, и на ней все здорово росло.

– Сойдет, – кивнула девчонка, и ее пескарики радостно трепыхнулись. – У тебя есть зажигалка или спички?

Я достал из рюкзака две зажигалки и попробовал поджечь лист борщевика. Но лист не горел, только немного скручивался и дымился. Тогда и моя напарница по благоустройству территории стала щелкать колесиком зажигалки. Зонттик у борщевика горел чуть лучше, но тоже не фонтан.

– Не получится. Слишком сырой! – констатировал я.

– Может, обольем его чем-то, что хорошо горит? – предложила девчонка.

Малявка была ничего, хоть и необразованная.

– Бензином! – придумал я. – А где возьмем?

Она посмотрела в сторону нашего желтого «Мини Купера», который папа вчера вечером все-таки соизволил переставить под березу.

Мне не хотелось выглядеть меркантильным. В конце концов, есть ситуации, когда никак нельзя отказать девчонке, – например, слить бензин из отцовской машины и поджечь детскую площадку.

– Это ж твоя машина? – догадалась она без всяких объяснений.

– Ты как узнала? – удивился я.

– Тут много ума не надо. – Она закинула лопату на плечо. – Кто новенький – того и машина! – И решительно добавила: – Ты ключи тащи, а я все остальное!

Мне опять стало неловко. Не мог же я признаться, что никто не собирается отдавать мне ключи от нашего последнего имущества. Но я мужественно кивнул. А девчонка засверкала пятками к соседнему подъезду. И лопата весело подпрыгивала у нее на плече.

Я поднялся в тетину квартиру. Мама лежала в полумраке зашторенной комнаты с капустным листом на голове (от мигрени). Папа лежал в нашей комнате с ноутбуком на животе (от безработицы). Ключи от машины лежали в прихожей на тумбочке (без дела). Я сунул их в карман, хоть сердце у меня и ходило ходуном. Но вдруг мне стало казаться, что шататься туда-сюда без повода – это как-то подозрительно. Тем более что еще полчаса назад я собирался уйти и потеряться насмерть. Тогда я сделал себе бутерброд из большущего ломтя хлеба, сырного треугольника и толстых кружков колбасы.

Я подошел к папе и, помахав перед ним этим нехитрым завтраком, сказал для прикрытия:

– Я вернулся за бутербродом!

– Угу! – угукнул папа, не отрываясь от экрана.

Тогда я зашел к маме в полумрак и объявил:

– Я сделал бутерброд!

– Главное – не коктейль Молотова, – пробурчала она из-под капустного листа.

Я засунул свой кулинарный кунштюк в рюкзак и спустился к «Мини Куперу». Девчонка уже ждала там с двумя пластиковыми пятилитровками из-под воды (с наклейками «Родничок»), гаечными ключами, отверткой и резиновым шлангом.

– Открывай капот, – приказала она.

Я забрался на место водителя и дернул нужную ручку. Она покопалась под открытым капотом, отвинтила какую-то трубку и привинтила на ее место шланг. А свободный край шланга опустила в бутылку из-под воды «Родничок».

– Я отсоединила сливной топливопровод, – ввела она меня в курс дела, – теперь попробуй включить зажигание.

Я повернул ключ, и в бутылку через шланг съехала небольшая порция бензина.

– Почти, – со знанием дела сказала моя напарница по добыче бензина из семейного автомобиля и вытащила из кармана шпильку. – Выключай!

– Это что? – спросил я про шпильку, хотя и сам знал, *что* это такое.

– У бабушки слямзила. – Девчонка снова полезла под капот. – Надо замкнуть контакты реле бензонасоса в блоке предохранителей. А то придется постоянно поворачивать ключ – мы так до ночи проповорачиваемся.

Она повозилась еще несколько минут и, видимо, замкнула все, что хотела, потому что я опять услышал команду:

– Врубай.

Я повернул ключ, и в «Родничок» потекла желтоватая жидкость.

– Ну ты монстр! – восхитился я.

Она с чувством превосходства глянула на меня через лобовое стекло.

И мы стали ждать, пока бензин сольется. Чтобы заполнить паузу, я предложил:

– Хочешь бутерброд?

Она отрицательно мотнула головой, потом нагнулась к двигателю, что-то там опять покрутила и захлопнула крышку капота.

– Пошли жечь, – позвала она.

– погоди, – задумался я. – А вдруг нас кто-нибудь застукает? Сейчас все видно. У нас вон окна на эту сторону выходят. Если уж жечь, то лучше ночью, пока все спят.

– Это да, – кивнула моя напарница. – А их куда девать? – Она показала на бутылки с бензином.

Я сказал:

– Давай спрячем в траве, а в полночь встретимся и всё тут польем.

– Давай, – согласилась она.

Я взял бутылки с горючим, перетащил их в траву, спрятал под борщевиком в нашей ямке и сверху закидал травой.

– Тогда до ночи! – попрощалась девчонка и опять засверкала пятками.

– Эй! – крикнул я. – Тебя как зовут-то?

– Елена, – откликнулась она. – А тебя?

– Фима, – крикнул я в ответ.

– А полностью как?

– Нет у меня полного имени.

Тогда она подбежала ко мне опять.

– Как это нет полного имени? У всех есть.

Я признался:

– У меня тупое полное имя. Лучше бы его не было.

– Я зову людей только полными именами, – вздохнула она. – Потому что бабушка говорит, что с людьми надо разговаривать уважительно.

– Тогда никак меня не зови, – обиделся я на ее принципы.

– Ну и не буду, – обиделась она.

И мы разошлись по своим подъездам.

Я неприкаянно, как папа вчера, бродил по квартире и не мог дождаться ночи. Хуже всего, что у меня не было ни телефона, ни компьютера: ни единого окошка в большой мир и в мою прошлую жизнь. Злость из-за этого так во мне и бурлила. И мне уже хотелось сжечь не только борщевик на площадке, но и саму площадку, и весь поселок. Тогда бы папа смог устроиться дворником и разгрести последствия.

Чтобы отвлечься, я стал читать книжку про космос и нечаянно заснул. И мне снилось, что я космонавт на горящем корабле и что я пожертвовал собой во имя светлого научного

будущего. Я с ужасом открыл глаза и скорее бросился к телефону, чтобы посмотреть время. Было как раз десять минут первого. Папа сопел на своей китайской лежанке. Я прокрался в коридор и тихонько выскочил в подъезд.

Небо в Тьме Тараканьей было не как в большом городе, а огромное и криво-косо (словно мама поорудовала) прошито стежками звезд. На ночной улице пахло отцветающей сиренью. И мне показалось, что еще – бензином. Я повертел головой, но девчонки не обнаружил. Наверное, не смогла прийти. Мог бы и сам додуматься, что такую малявку никто так поздно не отпустит. Она и ростом-то была мне всего по грудь, куда ей бродить по ночам! Но я от джентльменства своего не отказался и решил все равно побороть сорняки. Я достал из рюкзака фонарик и полез в траву. Но, немного не дойдя до борщевика, споткнулся и полетел носом в землю. Я покрутился, лежа на животе, как боец спецназа, и наконец нащупал выпавший фонарик. Оказалось, что я споткнулся о наши же бутылки. Хотя мне почему-то казалось, что я оставлял их дальше. Но темнота, как известно, искажает пространство.

Я разозлился на темноту и стал быстро поливать бензином борщевик. Полил от души его и всё вокруг, но еще осталась целая бутылка. И я подумал, что нелишним будет подсечно-огневым методом освободить всю площадку, раз уж девчонке так хотелось ее благоустроить. Поэтому вторую бутылку я расплескал вокруг сломанной горки и ржавых каруселей.

– Эй! – услышал я со стороны дороги. – Чё ты там шэришься?

Я увидел над высокой травой двух плывущих в океане ночи пескариков. И очень обрадовался.

– Я всё подготовил, – похвастался я. – Думал, что ты спишь.

– Я вообще-то вовремя спустилась, это тебя не было. Пришлось метнуться за спичками, – огрызнулась моя напарница по подсечно-огневому земледелию и достала коробок с шершавыми коричневыми боками.

– Дай-ка мне, – сказал я, – загорись еще!

– Я тоже хочу! – зарычала Пескарик и сжала коробок со спичками.

Я попытался выколотить спички из ее кулачка, но она вцепилась как следует.

– Ладно, давай вместе, – уступил я, раз она не оценила моего джентльменства.

Я выдал ей три спички и себе взял столько же. Мы одновременно чиркнули о коробок и бросили горящие спички в траву. Я – в направлении борщевика, а Пескарик – куда-то в направлении горки. И тут в этих двух направлениях взметнулось пламя.

– Ого! – сказала Пескарик.

Я подумал: «Романтика», и жизнь в санаторском поселке, которая представлялась мне смертельно скучной, заиграла новыми красками.

Пламя молниеносно расплозлось повсюду – словно мы туда слили ракетное топливо, а не две бутылки бензина.

Тут из-под горки послышалось:

– У-у-у!

И оттуда со звериным воплем выскочило чудище и начало метаться и скакать в языках пламени. А потом поперло из огня прямо на нас.

Я схватил валявшуюся на дороге палку и, как рыцарь, заслонил Пескарика своим телом. Когда чудище приблизилось, я зажмурился от страха и начал его метелить.

– Убивают! – вдруг человеческим голосом завопило чудище.

Тут я распахнул глаза, продолжая со всей силы бить палкой по неприятелю, и увидел оседающую на землю фигуру в плаще и в широкой шляпе с розовой лентой.

– Антоныч... – пролепетала моя «подзащитная», прекратив визжать, и стала отбирать у меня палку, чтобы я успокоился, потому что руки мои рефлекторно еще продолжали совершать избивательные движения.

Тут я вспомнил мамину шляпу и узнал хозяина косматой головы, который так перепугался, что на лице у него будто бы не осталось ничего, кроме моргающих глаз, напоминавших два голубоватых прожектора. Но под сияющими глазами проявился рот и испуганно заверещал:

– Террористы! Спасите!

Я опустил свой импровизированный меч, а Пескарик локтем начала толкать меня в бок. Я повернулся и увидел, что в нашей двухэтажке под задорный треск площадного пожара в окнах стал загораться свет и оттуда уже высунулось несколько голов, включая мамину и папину.

– Опять?! – проголосила мама в распахнутое окно, и их с папой головы спрятались обратно.

– Капец, – обозначила крах нашего предприятия моя напарница.

Тут Антоныч вернул свое грязное тело в вертикальное положение и начал бегать по периметру площадки.

– Пожгли, ироды! – скулил он. – Пожгли моего родненького!

На улицу повыскакивали соседи в халатах. Мои родители, Нора Фомишна, Пётр-Гора Михалыч, новая бабулька (к ней под мышку забились Елена) и еще какие-то люди. Я плохо их распознавал, потому что сердце у меня ушло в пятки. Я подумал, что мы сожгли человека, и уже представлял, как всю оставшуюся жизнь кукую в тюрьме. Судя по слезной гусенице, ползущей по Елениной щеке, она представила то же самое.

– Кого пожгли? – бросилась за Антонычем моя мама и, остановив его, стала трясти за грудки, чтобы он прекратил нечленораздельно вопить.

– Мой сидр! – простонал Антоныч.

На нем горестно качнулась мамина шляпа с опаленными краями и подкопченным бантом.

– Надо тушить! – махнул рукой Пётр Михалыч, как полководец перед атакой, и побежал в дом, хотя пламя уже спало и от него остались только толстые огненные червяки на земле.

Люди (и мама, и папа) тоже побежали за водой.

– Там много было? – шмыгнула носом моя напарница по сжиганию сидра.

Мы-то никуда не побежали.

– Две пятилитровые бутылки! – горестно ответил Антоныч, – такие... с надписью «Родничок». Это же не для себя – понимаете? – это же на продажу! Моя собственная технология. Я бы его продал и настоящий аппарат бы себе купил. И производство бы открыл.

– Что же вы его здесь хранили? – вздохнул я.

– А где мне еще его хранить? Где живу, там и храню, – вздохнул Антоныч.

Тут я понял, что Антоныч спал под горкой, когда мы его чуть не зажарили. И еще я догадался, почему все так сильно полыхнуло.

Я подошел к Пескарику и спросил:

– А ты, случайно, когда пришла в первый раз, наш бензин не разливала?

– Разливала, – сказала она.

– Две бутылки? – уточнил я.

Она кивнула.

– И я две, – начал я стучать себе кулаком по лбу. – Кто-то из нас, видимо, разлил еще и яблочный спирт.

Тут наши соседи выбежали с ведрами, кастрюлями и одеялами и начали тушить остатки огневых червяков.

– Понаедут, поджигатели!.. – ворчала Нора Фомишна, побивая одеялом очередного червяка.

– Поджечь умеют, а потушить не умеют! – ворчал Пётр-Гора Михалыч, таща стиральное корыто с водой и от усердия расплескивая воду.

– Мы вам сидр возместим, – успокаивал папа Антоныча, – вы только заявление не подавайте...

– Вырастили террориста! – кричала на меня мама, махая снятой с Антоныча шляпой над остатками пламени, хотя это только раздувало огонь, а не тушило.

– Ничего! Благоустроим! – приговаривала Еленина бабушка, осматривая площадку.

Рэкет над рекой

Атмосфера у нас стояла – как в криминальной семье, в которой только что прикончили главного мафиози. Мама лежала в затемненной комнате в черном бархатном халате с золотыми кистями, словно в трауре. Папа то и дело посматривал в окно из-за шторы. Ему не хватало только классического костюма и пистолета-пулемета Томпсона, чтобы выглядеть как последний защитник клана.

– Что с ним делать? – вздохнул папа и посмотрел сначала в окно, потом на меня.

– Может, отправим его работать в крематорий? Раз уж у него такая тяга к сжиганию людей... – устало предложила мама.

– Это мысль!

Папа заботливо сформировал стопку капустных листов для маминой мигрени.

– Вообще-то мне еще сто лет до шестнадцати. Это нарушение закона о детском труде! – запротестовал я.

– А мы тебя неофициально устроим, – рявкнул папа, – через знакомых.

Вот еще! Нормальные люди устраиваются через знакомых в нефтегазовые компании и новомодные журналы... А эти – родное дитя в обитель смерти!

Я немного испугался.

– У вас нет знакомых в крематориях, что вы придумываете!

– Как это нет?! – возразила мама. – Террорист-поджигатель есть, а «печников» нет? – Она с редкой нежностью похлопала папу по груди в благодарность за капусту и вопросительно посмотрела на него. – Как насчет Борьки с твоего курса?

– Угу, – кивнул папа. – Только он где-то под Вышним Волочком. Надо будет ему тогда Фиму отдать с проживанием. На все лето.

– О! – Мама с ликующим видом, как будто только и мечтала меня куда-то отдать, желательно на подольше, приложила капустный лист к виску.

– Вы не посмеете! – воскликнул я.

– Еще как посмеем! – отрезал папа, и за его очками сверкнула молния.

Он произнес это так, словно на каждое слово положил гирьку, и вся фраза стала очень тяжелой.

Поскольку у меня уже отобрали и телефон, и компьютер, список известных наказаний исчерпался. А родители у меня весьма эксцентричные, к тому же с самыми разными знакомствами. Понять, собирались они меня отдать в Вышний Волочек или только угрожали, было невозможно. Да и получилось правда нехорошо: Антоныч на аппарат копил, а мы его, считай, будущего лишили.

Днем я пошел изучать место преступления, ждать Пескарика и думать о том, как исправить ситуацию. В крематорские кочегары мне не очень-то хотелось.

Хоть на улице и накрапывал дождик и задувал ветрище, девчонка скоро появилась. Мы побродили по бывшей площадке с сожженной растительностью и черными остатками горки и каруселей.

Елена вздохнула:

– Благ-устроили, называется...

– Надо как-то Антонычу компенсировать его сидр, – повторил я папино предложение.

– А ему твой батя еще ничё не компенсировал? – Она посмотрела на меня немного презрительно, как будто мы олигархи, которые свои темные делишки заливают деньгами, как из шланга.

– Наверное, откупился, – ответил я. – Но это ж не то. Человек – без дома, пропадает. Ему надо по-настоящему помочь.

– Как площадке? – хихикнула Елена.

Ей тоже была не чужда ироническая издевка.

– Ну, более гуманным способом. Что он там про свои планы рассказывал?

– Он производство мечтает открыть...

– Так давай подарим ему аппарат для деланья сидра!

Я так обрадовался родившейся идее, что вскочил на подгоревшую карусель и провертелся на ней кружок. Хоть я не представлял, как выглядит такой аппарат, сколько он стоит и существует ли он в природе.

– Хорошо, – сдержанно согласилась Пескарик, как будто она-то все знала об алкогольных аппаратах. – Пойдем.

И мы пошли вниз по дороге.

Дорога была вся в непрезентабельных заплатах и рытвинах, с многолетними соснами по бокам. Скоро показались дома частного сектора.

Среди них было несколько новеньких, но в основном – косые, старые, с седыми крышами и проплешинами – эти дома напоминали заброшенных стариков.

– А почему дома такие разные? – спросил я у девчонки.

– Это асоциальное неравенство.

Я чуть не споткнулся, когда услышал.

– Какое неравенство? – уточнил я, поправляя кроссовку.

– Асоциальное, – серьезно повторила Пескарик, и ее хвостики даже поникли от сочувствия, – это такое, при котором у одних людей есть всё, а у других ничего.

Я постарался, конечно, не расхохотаться. Нельзя же смеяться над слабым полом. А то он может тебя чем-нибудь тукнуть в ответ. К тому же при таком объяснении неравенство и впрямь казалось не только «социальным», но и «асоциальным».

Скоро мы уперлись в уродливый серо-бетонный забор, огораживающий участок леса. Облезло-позолоченные ворота в заборе сторожил одинокий охранник. Зачем – было неясно, потому что людей поблизости не было. Да и выглядел охраняемый лес как самый обычный.

Но мы прошли мимо ворот и стали спускаться вдоль забора. Скоро лес начался и с этой стороны бетонной ограды.

Я хотел узнать про ворота и забор, но вместо этого спросил:

– Куда мы идем?

– Заколачивать деньгу, – ответила Елена.

Я опять чуть не споткнулся. Ее манеры начали отдавать веселой гопотцой.

– И каким образом?

– Хорошо, что ты высокий! – Она обвела меня измерительным взглядом. – Тебе сколько лет?

– Двенадцать.

– Ты выглядишь на четырнадцать. Это из-за роста и очков, – продолжила она прежнюю мысль.

– А тебе сколько? – У крутого спуска я попытался подать ей руку, чтобы она не поскользнулась, но она мой джентльменский жест опять проигнорировала и пропрыгала по размокшей от дождя земляной горке, как куница.

– Одиннадцать...

Дорога уходила еще ниже под уклон. Мы спускались в низину. Уже стало видно, что лес скоро закончится. И за ним замаячили дачи с огородами. Тоже, по всей видимости, «асоциальные».

– Так как твое полное имя? – опять начала пытаться меня напарница по лесной ходьбе.

– Я же сказал: нет у меня полного имени. Что ты к нему прицепилась? Лучше скажи, что мы будем делать?

– Заколачивать деньгу, – повторила она, – но вначале зайдем за Енотом. – И добавила, как вчера: – Я тогда никак не буду к тебе обращаться.

– Я понял, – кивнул я, хотя в отношении Енота и заколачивания деньги я ничего не понял.

Маленький дачный поселок был точно в воду опущенный. Даже, скорее, не огороды с домиками, а орочье гнездо. Заборы из каких-то железяк и колючей проволоки да заросли крапивы и репейника, словно партизанские отряды, окружали деревянные лачуги, которые когда-то были добротными домиками.

Двигаясь вдоль забора, сооруженного из кроватных спинок и сеток, ржавых пружин и старых матрасов (я такого никогда в жизни не видел), мы услышали угрожающий рычащий лай. Было похоже, что сейчас из-за железячного забора на нас выпрыгнет собака-убийца. Рядом с этим забором мы и остановились.

Я поделился своими опасениями:

– Надеюсь, в этом заборе нет дыры?..

– Ты вчерашний бутер еще не съел? – спросила Елена в ответ вместо того, чтобы мои опасения развеять.

Я помотал головой и полез в рюкзак за своим подсохшим кулинарным шедевром-прикрытием.

– Ты проголодалась?

– Это Еноту, – сказала девчонка и махнула рукой в направлении заборных зарослей. – Вам надо подружиться. Ты просунь туда бутер. Енот всегда голодный.

– А он мне руку не отхватит? – Я еще раз оглядел забор из железяк, из-за которого обрушивался на нас страшный лай, никаким боком на енотий не похожий.

Она пожала плечами:

– Посмотрим.

Покрывшись от напряжения красными пятнами и уже представив себя с сиротливой культей, я просунул левую руку (какую меньше жалко) в железный ромб, который когда-то был частью основания кровати – такие кровати обычно держат в старых детских лагерях (и, наверное, в тюрьмах).

С громким рычанием, похожим на бульканье, под прикрытием малины и крапивы, как акула в зеленом океане, ко мне начал приближаться источник звука. Я зажмурился.

И открыл глаза, только когда почувствовал, что кто-то лижет мою руку. Это была рычащая морда зверюги, напоминавшей помесь медведя и кавказской овчарки. Украшенная пастью с чудовищными зубами, она торчала из бурого мехового шара, как нос мясорубки. Пес был весь в грязи и репьях, с колтунами размером с кулак и коричневыми умными глазами, которые блестели, будто два куса шоколадного масла в мешке спутанной шерсти. Я разжал кулак, и косматый аккуратнo доел бутерброд с ладони.

– Почему он продолжает рычать? – спросил я у девчонки.

– Он всегда так. Сейчас – говорит спасибо.

«Ничего себе спасибо!» – подумал я, пытаюсь обрести контроль над ватными конечностями, которые плохо слушались после пережитого страха.

– Енот, пойдем с нами, – скомандовала Пескарик, нырнув куда-то в кусты и отворив незаметную калитку.

И Енот, порывивая, пошел с нами. Он был размером чуть ли не с Пескарика и выглядел очень устрашающе. Хотя несложно выглядеть крупным на фоне такой мелкой девчонки.

Я бросил зверюге палку, но он поглядел на меня, как на идиота.

– Это лесной пес, а не цирковой пудель, – сказала Елена и тоже поглядела на меня как на идиота.

Мы миновали «асоциальные» дачи и увидели широкую реку с быстрым течением. А над ней – длинный веревочный мост. У меня дух захватило: я никогда вживую не видел не только заборов из кроватей, но и таких мостов.

На холме у входа на мост была воткнута импровизированная билетная касса: будка, криво сколоченная из разбухшей от дождя фанеры, два пенек и цепочка с карабином у перил.

– Место, – приказала девчонка и кивнула на пенек пошире.

Енот запрыгнул на него и уселся, раскрыв мясорубочную пасть и выпустив наружу алый язык. Из пасти, как весенняя капель, падали слюни. А Елена застегнула цепочку между перилами, чтобы перегородить проход, и забралась на соседний пенек, который был повыше и поуже.

– И что теперь? – поинтересовался я.

– Теперь утрамбуйся в будку и жди, – скомандовала она. – А когда появятся люди, требуй у них деньги за проход!

Я не поверил своим ушам.

– На каком основании? – возмутился я. – Разве можно трясти с людей деньги за проход по мосту?

– Конечно. Так даже в Европе делают: берут деньги за проезд по дорогам, – сказала девчонка, будто всю жизнь только и делала, что ездила по Европе.

– Так это же чьи-то дороги! Правительственные или частные! А мост нам не принадлежит! – продолжал возмущаться я. – Это же не ты его построила!

– Его построили наши предки, а значит, нам он достался в наследство, – невозмутимо сообщила Пескарик.

– Не знаю, как твои предки, но мои точно никаких мостов не строили! – продолжал я сопротивляться.

– А мои – строили. Мои бабушка и дедушка. Бабушка сказала, что это наш семейный мост! Мост Рыжовых, – фыркнула Елена.

Тут я понял, откуда ноги растут у ее хитрого плана.

– То есть это бабушка твоя придумала так делать?

– Ага. Но обычно я просто рядом сижу.

У меня дух захватило от такого подхода к делу. Я даже преисполнился особенным уважением к Елениной бабушке-рэкетирише, которая додумалась перегородить мост.

– Мост мой по наследству! – еще раз для убедительности повторила Пескарик.

– Ну не знаю... – растерялся я.

– Ты аппарат Антонычу хочешь купить или нет? – добила она.

Поскольку другого плана по улучшению судьбы Антоныча не имелось, я согласился.

– А почему я требую деньги, а не ты?

– Ты старше выглядишь, – обосновала Пескарик.

– А сколько брать?

– Сколько получится. – Она неопределенно пожала плечами.

И мы стали ждать. Меня волновало, что делать, если наши жертвы откажутся от «щедрого» предложения дать нам денег. Я уже даже представил, как какой-нибудь бугай с возмущением сбрасывает меня в быструю реку и свободно проходит куда ему вздумается. Но я постеснялся делиться этими мыслями, чтобы Елена не посчитала меня трусом. Она-то выглядела невозмутимо.

– Только местных не трогаем. И деревенских... Они живут там. – Девчонка качнула головой в сторону поселения на другом берегу реки. – Я, если что, покажу.

Я опасался, что никто, кроме местных, не появится в нашей Тьме Тараканьей. Но небо как раз прояснилось, дождик перестал, и откуда ни возмись выплыла из леса целая свадебная процессия с похожей на торт невестой и кучей нарядных людей. Пока нарядные люди приближались, я опять пошел красными пятнами. Ладно одного человека заболтать, но целую толпу! Они точно вышвырнут меня за канаты, и мое худосочное тело всплывет где-нибудь на задворках через неделю.

Когда процессия во главе с женихом, невестой и фотографом поравнялась с нами, я набрал в легкие побольше воздуха (готовясь к возможному погружению в реку) и выпалил из будки:

– Проход платный!

Процессия удивленно остановилась, уткнувшись клювом из жениха, невесты и фотографа в нашу цепочку с карабином.

Фотограф оказался человеком дотошным. Он переспросил:

– Как это – платный?

Тут уж я совсем растерялся. Но в дело вмешалась Елена.

– Сто рублей с человека, – объявила она.

Душа у меня в этот момент переехала жить в пятки. Потому что перед нами переминалось с ноги на ногу человек тридцать.

Толстенький жених в серовато-голубом костюме присвистнул:

– Ну и ну!

Фотограф сдаваться не собирался:

– Какие еще сто рублей с человека?! В Интернете смотрели, не было ни про какие сто рублей!

– Вот это собачка! – отвлеклась невеста, как бы позволяя мужчинам самим решать финансовые вопросы, и стала бесстрашно возить ладонями по морде нашего Енота, не обращая внимания на его приглушенное рычание.

– Чего стоим? – крикнули из хвоста процессии.

– Это жизнь, а не Интернет, – безапелляционно заявила Елена.

– Тут мокро вообще-то, – донесся еще один рассерженный голос.

Я не знаю, *что* было бы дальше, если бы невеста в этот момент не посмотрела на понурый свадебный хвост, который заканчивался в лужах внизу холма. Там, в грязи, толкались несколько ее разряженных подружек в легких туфельках.

– Кашалотик, – сказала невеста умиленно, – ты глянь на детишек – грязненькие, убогонькие, – все это время она продолжала чесать Енота по запутанной шерсти, – надо же им что-то есть! Дайте им, сколько там они хотят.

Я почувствовал себя чуть ли не сиротой, который просит мелочь в переходе. Хотя вообще-то грязным никто из нас, кроме Лесного Пса, не был.

Жених и фотограф переглянулись. Кашалотик потянулся к внутреннему карману с кошельком – ему явно хотелось уже быстрее отбыть свою свадебную повинность и отсоединиться от всей этой толпы нарядных людей, особенно – от фотографа.

А фотограф как будто уловил это желание и, немного даже посерев от обиды, фыркнул в нашу сторону:

– Отойдите тогда, чтоб не портить вид.

Меня вдруг взбесила их надменность и его фыркание, и я взял да и ляпнул:

– Фото за отдельную плату.

Я знал, что на пляжах и у цирков берут плату за фото с потрепанными голубями или сонной мартышкой. А у нас, в конце концов, целый мост, построенный нашими предками, а не какой-то площадной голубь.

– Ребят, вы ошалели? – напрягся фотограф, потемнев еще больше, так что стал даже кашалотистой жениха.

– Кашалотик, – скучаяще протянула невеста и, обхватив своими пальцами мои щеки, стала трепать меня так же, как Енота. – Что ты жмотишься? Один раз женимся. У тебя же с выкупа осталось? Дай им пятерку.

Жених вынул из бумажника пятитысячную купюру и сунул ее мне в руки со словами:

– За всех.

Тогда я выбрался из будки и торжественно отстегнул карабин с цепочкой. Щеки у меня горели от трепки.

Мы отошли в сторону. Но многие из гостей на мост не полезли. Мост шатался и скрипел. А подружки невесты все были на каблуках. Поэтому они стали фотографироваться с нами вместо моста, как будто наша троица тоже была местной достопримечательностью.

Мы с Пескариком улыбались и позировали, а Енот просто сидел рядом, порывая, и иногда из его пасти на чью-нибудь праздничную туфлю падали слюни.

Наследственность

После столь удачного начала я почувствовал себя одновременно и мелким мошенником, и благородным наследником мостов, земель и пароходов.

Поэтому, когда в цепочку уткнулась молодая пара и сильная ее половина спросила:

– Это что? – я почти невозмутимо объявил:

– Платный проход.

Парень ухмыльнулся и потянулся к карабину, чтобы освободить себе дорогу.

Я понял, что вопросы нашего наследства его не колышут.

Но тут Пескарик крикнула:

– Енот!

Енот подскочил на своем пеньке и из ворчливого комка шерсти, который только что безобидно трепала тортообразная невеста, превратился в волкодава. Из его «мясорубки», словно фарш, полезли лай и рычание. Колтуны вздыбились, так что пес раза в полтора увеличился в размерах, а гладкие белые клыки обнажились. Его клыки оказались такие большие, что в прошлой жизни, наверно, были бивнями мамонта.

Девушка испуганно нырнула за спину своего кавалера, а тот выставил руки вперед ладонями.

– Тихо, тихо, – пролепетал он. – Ладно. Сколько?

Я вопросительно посмотрел на нашего менеджера по тарифам.

– Пятьсот за двоих, – великодушно посчитала Пескарик.

Очень медленно, под волкодавье рычание парень извлек тысячную купюру.

– У нас сдачи нет, – смутился я, отстегивая цепочку. – Вы тогда вернитесь попозже, мы разменяем.

Енот, как только заметил «деньгу», превратился обратно в шерстяной шар с шоколадными глазами и опять застыл на пеньке, вывалив из пасти веселый язык.

Пара пересекла мост и растворилась на другом берегу. Видимо, не поверили в мое чисто-сердечное желание вернуть сдачу.

После второй успешной сделки я уже ощущал, как в моих жилах течет кровь всех царских помещиков и советских строителей.

За несколько часов мы взяли плату с группы подростков с нервной учительницей, каких-то растерянных одиночек, а основной нашей целевой аудиторией оказались семьи с детьми. Эти семьи просто валом валили изучать воздушноречные красоты. Дети прыгали и бегали по мосту, раскачивая его, а взрослые посетители визжали от страха и хватались за боковые канаты. С этими криками и качанием мост и вправду превратился в захватывающий аттракцион, билеты на который не грех было и продавать. В какой-то момент у нас даже образовалась небольшая очередь: люди ничего и не спрашивали, кроме стоимости посещения, и заранее готовили кошельки.

– Откуда здесь столько народу? – шепотом спросил я, засовывая очередные пятьсот рублей в карман.

– Они замок приезжают смотреть и заодно мост, – зевнув, прошептала девчонка в ответ. Когда дело шло как по маслу, ей становилось скучно.

– Здесь есть замок? – воскликнул я, совсем забыв о сохранении важного вида наследника моста.

– Ну... – задумчиво протянула моя напарница по изыманию свободных денег у населения, – заброшенный.

Тут нас прервала тревожная мать одного из семейств. Около нее носилось трое ребятишек, а она их то и дело ловила за уши и ругала.

– Дети, – строго поинтересовалась она у нас таким тоном, будто и нас хочет поймать за уши, – а почему вы одни? Где ваши взрослые?

Я решил не рассказывать тревожной женщине, что мои взрослые совещаются, надо ли отправить меня работать в крематорий на лето, потому что я имею внутреннюю тягу к сжиганию людей, а Еленина бабушка вообще вскормила тут организованную преступную группировку, и благоразумно промолчал. Я не хотел, чтобы наша посетительница стала еще тревожней.

– Бабушки нет сейчас, – туманно ответила Елена.

– Оставь чужих детей в покое, – цыкнул встревоженный отец семейства, пытаясь стрясти, как яблоко с дерева, повисшего на руке сына. – Своих, что ли, мало?!

– Тысяча за пять человек, – подытожил я беседу.

Мне очень нравился наш плавающий тариф.

Отец семейства свободной рукой, пока к ней еще кто-нибудь не успел прицепиться, торопливо выдал нам тысячу рублей.

Скоро у меня набился полный карман денег. А Елена, зевнув в очередной раз, объявила, что ей пора домой. Бабушка ее всегда ждет на обед и полдник. Но обед можно пропустить, потому что там суп. А на полдник – пряники и молоко, это пропустить никак нельзя.

– Ты еще часок посторожи, – посоветовала она, – а потом возвращайся. Вечером все равно народу мало.

Не мог же я признаться, что боюсь оставаться один. И я не признался. И остался с Енотом, который тоже начал зевать от скуки.

– Да ладно зевать! – сказал я ему. – Я тебе потом пачку сосисок куплю.

У Енота при слове «сосиски» просветлел шоколадный взгляд. Лесной Пес вытянулся и изобразил заинтересованность.

В этот момент на вершину нашего холма поднялся загорелый парень в шортах и бейсболке со сдвинутым на затылок козырьком. Он был немного старше меня.

– Проход платный, – сказал я.

– Чё? – переспросил парень.

– Сто рублей? – получилось больше похоже на вопрос, чем на указание.

Из-под футболки у него выпирали накачанные бицухи, а шея была шириной чуть ли не с две моих ноги.

– Чё-чё? – понизив голос, еще раз переспросил Толстошей.

Поскольку за сегодня я уже понял, что наглость – второе счастье, к тому же у меня был Енот, я тоже понизил голос:

– Через плечо! Оглох, что ли? Сто рублей проход.

За следующую секунду я успел подумать о некоторой повторяемости событий. Потому что рука Толстошей собралась в здоровый кулак, прямо как у Горы Михалыча, когда тот бил папу.

– Енот! – крикнул я, и голос мой предательски метнулся наверх, как матрос на мачту, то есть почти что сорвался на визг.

Енот было привстал на четыре лапы, но тут мой посетитель тоже прикрикнул на него:

– Енот, сидеть!

Стало ясно, что парень был знаком с Енотом гораздо дольше моего и имел на него больше влияния. Возможно, он когда-то пообещал Лесному Псу что-то получше сосисок.

Енот заворчал и сел назад на пенек.

Как любила повторять мама, я был мальчиком из интеллигентной семьи. Я никогда раньше не дрался и не умел этого делать.

Лишенный последней защиты, я проследил за округлой траекторией здорового кулака, который приземлился на мой подбородок.

Я бухнулся на песок и услышал, как Енот со-переживающе заскулил. Это привело меня в чувство. Чтобы избежать второго удара, я ужом подполз к Толстошей, схватил его за ноги и со всей силы потянул. Неприятель шлепнулся рядом, и мы завозились в песке, пытаясь оседлать друг друга.

– Ты это чё, у бабушки Жеки хлеб отбираешь? – прорычал мой противник.

Я ни у кого никакого хлеба, конечно, не отбирал, но момент для уточнений был неподходящий.

Поэтому я просто решил быть дерзким и отбиваться насмерть.

– Ты чё, других слов не знаешь, кроме «чё»? – передразнил я его.

Тут парень окончательно рассвирепел и засадил мне несколько ударов в корпус. Потом он поднялся и хотел еще пнуть меня в бок, но я схватил его за ногу (он был в сандалиях и шортах) и со всей силы укусил за икру, так что оставил глубокий кровавый след, похожий на контуры огромной персиковой косточки.

Толстошей взвизгнул и отпрыгнул от меня на здоровой ноге.

– Я тебя закопаю! – пообещал он, отстегнул карабин цепочки и заковылял на другой берег.

Еле-еле отвоевав нашу будку как стратегически важную высоту с укреплением, я плюхнулся на песок без сил и стал следить, как сложно Толстошей прыгать на одной ноге по ходившему ходуном веревочному мосту.

Я заполз на узкий пенек и проверил очки. Они уцелели. Мы с Енотом посидели какое-то время, приходя в себя. Лесной Пес смотрел на меня с сочувствием. Уже начинал разливаться розовый закат, словно кто-то сверху пропустил сквозь соковыжималку арбуз. Я проследил, как Толстошей доковылял до деревни, и тоже похромал домой. Енот проводил меня до дороги и убежал по своим делам.

– О-о-о!.. – с интересом протянул папа, открыв дверь. – Кто кого?

– Ничья, – поделился я результатами сражения на холме.

– Сильно болит? – Папа наклонился и стал шупать мое лицо, а потом заметил, что я держусь за бок, и задрал толстовку, чтобы там тоже все пощупать.

– Жить буду, – ответил я мужественно, как настоящий гладиатор.

– У тебя теперь тоже будет лицо картошкой! – подбодрил папа и подмигнул заплывшим со стороны опухшей щеки глазом. – Сразу видна хорошая наследственность! – гордо добавил он и крикнул в мамину черную комнату: – Дорогая, доставай мясо! Твой сын вернулся с битвы.

Ф. И. Пакетов

Нас разбудил звонок. Его осиное жужжание с присвистом беспрерывно летало по квартире. Я бухнул подушку на лицо, которое от боли гудело, как пчелиный улей, и попытался заснуть обратно. Но даже через подушку было слышно, как за стенкой начала метаться мама, в спешке приводя себя в гостеприимный вид и то и дело с грохотом натываясь на что-нибудь в полумраке. Папа свернулся на своей лежанке в клубок и натянул одеяло на голову.

Игнорировать жужжание было невозможно. Гость не уходил. Мы уже подумали, что кто-то опять пришел ругаться. Потому что с такой настойчивостью по утрам ходят только ругаться. Так что через пару минут мы боевым рядом выстроились в коридоре. Мама – умытая, в красивом сарафане, а мы с папой – взлохмаченные, в трусах и накидках из постельного белья.

За дверью обнаружилась Пескарик.

– Доброе утро! – поздоровалась она и без всякого приглашения переступила порог.

Мама с папой переглянулись.

– Это ко мне, – объявил я.

– Чё это вы спите в девять часов? – строго спросила девчонка, рассматривая наши утренние одежды: папину простыню в цветочек, подвешенную через плечо, как экзбмис, и мое одеяло в клетку, завязанное уголками на груди, как мантия.

Папа подтянул свой экзбмис, а мама погляделась в зеркало и поправила волосы.

– Мы безработные, – метнув укоризненный взгляд в папу, стала оправдываться мама. – Нам некуда рано вставать.

– Бывает, – неопределенно кивнула гостя. – А ты чего побитый? Ты куда всю деньгу дел? – перевела она осуждающий взгляд на меня.

Я схватил ее за локоть, потащил в комнату и захлопнул дверь с красным флагом из футболки «Осторожно, злая собака» прямо перед родительскими любопытными носами.

Из-за вчерашней драки карман, набитый деньгами, совершенно выпал у меня из памяти.

Я указал на шорты, брошенные на стул:

– Вон.

Она, наверно, подумала, что я ее обманул и присвоил себе весь наш общак. Я сразу на это обиделся. Тем более что меня так разукрасили, считай, из-за нее. Ведь она меня бросила на произвол судьбы ради пряников.

Запустив руку в карман шорт и похрустев нашим состоянием, девчонка стала более участливой.

– Кто тебя побил?

– Какой-то Толстошей из деревни, – нехотя отчитался я.

– А ты его?

– И я его, – прихвастнул я.

Правильнее было бы сказать, что я его покусал, но эту подробность я опустил.

Елена мою обиду не заметила и стала деловито раскладывать деньги на кровати стопками из одинаковых купюр. Получилось одна пяти тысячная, семь тысячных, одиннадцать по пятьсот и еще воздушная стопка соток. Всего восемнадцать девятьсот.

– Где аппарат будем брать? – Девчонка посмотрела на меня вопросительно.

– А я откуда знаю? – не выходя из образа обиженного рыцаря, буркнул я. – У меня даже телефона нормального нет.

Елена задумчиво изучала люстру на потолке.

– У меня тоже. Надо с бабушкой посоветоваться. Она мудрая, как могила.

По всей видимости, девчонка спутала какую-то поговорку. Я оттаял. Невозможно обижаться на того, кто сравнивает свою бабушку с могилой.

Напарница в ответ кинула в меня опустошенными шортами:

– Одевайся.

– Фимочка, – донесся из-за двери вкрадчивый мамин голос, – твоя гостя гренки будет?

В маме явно не просто так прорезались кулинарные способности – ей было жутко интересно, что это за девчонка таскается ко мне в такую рань.

– Мы уже уходим! – крикнул я через закрытую дверь.

– Еще как буду! – крикнула Пескарик.

Стола и табуреток на кухне с нашего переезда не прибавилось. Мама расположилась у плиты, папа – у стены, а мы примостились с тарелками на подоконнике. Папа так и стоял в простыне греческого вида, потому что все его вещи были в комнате, в которой мы закрывались. А ему больше хотелось общаться с Пескариком, чем бежать переодеваться. Это же не то ли Фу, то ли Му, то ли Чан, а целая девчонка-поджигатель! К тому же папа был большой поклонник Древней Греции и их одежд и ритуалов.

– Это с тобой он площадку сжег? – строго спросил папа Елену.

– Со мной, – кивнула та.

Папе, кажется, понравилось, что она не лебезила и не оправдывалась.

– Ну новый-то поджог не планируете? – поинтересовался он.

– Как пойдет... – протянула гостя.

– Хм... – кивнул папа.

– Чем будете заниматься так рано? – поддержала светскую беседу мама.

– К ба-быф-ке паф-дем, – сказала Пескарик с набитым гренками ртом.

Поскольку свои три куса она смолотила быстрее всех, скоро стала зевать от скуки и вертеть головой.

– Вам нужны стол и стулья, а то пусто, – заметила она.

– Аха, – закивали мы, жуя.

Как будто было неочевидно, что нам нужны стол и стулья!

Повисла пауза.

– А какое полное имя у вашего сына? – опять попыталась она вывести всю мою подноготную.

– Папа, не смей! – пригрозил я.

– Фемистокл! – гордо сказал папа.

Я шлепнул себя ладонью по опущенному лбу, показывая, что крайне разочарован папиной говорливостью.

– Это имя такое? – удивилась Елена.

– Это имя знаменитого греческого полководца! – объяснила мама.

– Он превратил Афины в морскую державу и добился победы над персами, которые напали на Грецию! – добавил папа.

Девчонка выслушала эту историческую справку с интересом.

– Молодец, – одобрила она победы греческого полководца. – А вас как зовут?

– Анна, – сказала мама.

– Иван, – сказал папа.

– А фамилия у вас какая? – не унималась девчонка, словно помешалась на именах.

– Пакетовы, – гордо ответила мама.

Пескарик опять задумалась и, обработав всю полученную информацию, переспросила:

– То есть ты Фемистокл Иванович Пакетов?

Я испустил из себя что-то среднее между громким вздохом и рычанием, а мои родители довольно закивали.

– Красиво... – сказала Елена, подумав.

Тут мама и папа прямо расцвели, потому что обычно все надо мной смеялись из-за имени, а в школе даже дразнили «Пакетом фекалий». Поэтому я свое имя и ненавижу.

Ясно было, что родители уже простили моей напарнице и сгоревшую площадку, и Антоныча, и даже были готовы хоть каждый день вставать пораньше, чтобы кормить ее гренками.

Бабушка Жека

Мы позвонили в Еленину дверь. Звонок жужжал так же по-осиному, как и наш.

Дверь открыла старушка, которую я видел в ночь пожара. Она была маленькая, быстрая, румяная и с высоким пучком на голове, похожим на седую грушу с хвостиком.

Мы переступили порог и оказались в мебельном муравейнике. Со всех сторон выпирали резные ножки, жаккардовые спинки и велюровые бока. Диваны, столы, кресла, стулья (и так далее) громоздились друг на друга. Сложно было понять, где мебель, которой пользуются, и где та, которая стоит бесполезно. Все оставшееся пространство тоже было завалено черт-те чем. Склонялись над головой рулоны ковров, словно смотрели за порядком; из башен всякой всячины выглядывали завитушки ламп и светильников и угрожающе поблескивали тяжелые золотые статуэтки со львами и орлами, которые будто так и хотели свалиться на чье-нибудь незащитное темечко; держались на честном слове высотки старых книг; блестели на полках фарфоровые ангелочки, тарелочки, салатницы и прочая мелочовка.

Свободного места в трехкомнатной квартире почти не оставалось – только узкий лаз, словно проложенный большим червяком. По этому узкому лазу еще можно было как-то перемещаться, и то втянув живот.

– У нас бабушка скопидом, – объяснила Пескарик, заметив мою растерянность.

– Скопидом я! – подтвердила бабушка и уползла куда-то вглубь, где перестала быть различимой за мебельными ножками и спинками.

Девчонка шмыгнула за ней и тоже пропала.

– А ты чего мнешься, как неродной? – откуда ни возьмись высунулось улыбчивое лицо с седой грушей на макушке.

Тогда я стал продвигаться бочком, стараясь не задеть какую-нибудь ножку или статуэтку, чтобы на нас не сошла лавина из всей этой рухляди. В конце концов я добрался до свободного закутка у окошка. Там поджидали меня Елена и ее бабушка.

Это было место, похожее на подводный риф. Словно рыбья стайка, переливались на солнце целые косяки инструментов разных размеров и форм: отвертки, молотки, пилы, стамески, кусачки (и так далее). И, словно их мальки, серебрились повсюду гвозди, шурупы, гайки, шайбы (и так далее). Еще было много цветных тряпочек и баночек с жидкостями:

лаками, красками, воском (и так далее). А некоторые скомканные тряпки и салфетки напоминали разбросанные тут и там кораллы.

Бабушка нажала на курок шуруповерта, который держала в руке.

– Высоконый какой! – зыркнула она на меня. – Ухажер, что ли?

И вкрутила саморез в ножку деревянной табуретки, которую, видимо, чинила. Как будто ей и не нужно было смотреть на шуруповерт, чтобы что-нибудь куда-нибудь вкрутить.

– Никакой я не ухажер, – обиделся я, – а просто напарник.

– Бабушка Жека, ну ты чё! – возмутилась Пескарик.

– Напарник так напарник, – согласилась бабушка, выдавливая клей из тюбика и приклеивая табуретке отбитый уголок. – Все равно потом женихом станет.

– Бэ-э-э... – Девчонка высунула язык, как будто ее тошнило от таких рассуждений.

Я опять обиделся. Не то чтобы я метил в женихи к такой необразованной малявке, но было как-то неприятно, что даже сама возможность этого отвергалась ею категорически.

– Чё это прямо «бэ»?! – возмутился я.

– Не знаю, – фыркнула Пескарик, сложив руки на груди.

И ее хвостики недовольно дернулись.

– Дело молодое... – примирительно сказала бабушка и перевернула табуретку, с которой возилась.

– Бабушка, – поспешила сменить тему Елена, – ты знаешь, как делать яблочный сидр и какой для этого нужен аппарат?

– Хм... – задумалась старушка. – А зачем вам?

– Антонычу производство открыть.

– Вот ему еще только алкогольного производства не хватало! – заворчала бабушка. – Он и так себя понапрасну губит. А такой толковый, добрый человек когда-то был. С Катюшей дружил.

– С Катюшей? – переспросил я, глядя на Пескарика.

– Это моя мама, – грустно сказала Елена, и ее хвостики поникли, опустившись на плечи, словно заснувшие рыбки.

Повисла растерянность.

– Пусть лучше натуральный лимонад производит, – предложила бабушка Жека, прогоняя молчаливую пустоту. – Это и вкусно, и гораздо полезнее.

Мы с Еленой переглянулись. Пожалуй, это была неплохая мысль.

– А что надо для лимонада? – взял я быка за рога.

– Да что надо-то?.. – задумалась бабушка. – Газированную воду, сахар и лед. И еще фрукты или ягоды – зависит от того, какой вкус вы хотите. Можно лимоны или мяту. И яблоки подойдут. Даже из огурцов можно сделать. Да и всё. Ничего почти не надо. Просто смешиваете всё, и получается лимонад.

Выходили сплошные преимущества лимонада перед сидром. И никакой особенный аппарат не нужен, только продукты и вода. И не вредно. И проблем с продажей не будет.

– А шипучку можно с помощью соды и лимонной кислоты сделать, – сияя, дополнил я, выкорчевав из себя все имеющиеся химические знания, – в результате реакции выделится углекислый газ и появятся пузырьки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.